

Из истории советско-японских
внешнеэкономических связей:
японские концессии в СССР
в межвоенный период

Алексей Ю. Плотников

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, al.yu.plotnikov@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается история создания и деятельности на территории СССР на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. японских концессий. Особое внимание уделено работе двух главных концессий, действовавших на Северном Сахалине: угольной и нефтяной.

Анализируются достигнутые результаты, в том числе суммы (объем) вложенных инвестиций и объем добытого сырья (угля и нефти).

Ключевые слова: иностранные концессии в СССР, японские концессии на Дальнем Востоке, деятельность японских угольных и нефтяной концессий на Северном Сахалине, объем вложенных японских капиталов (инвестиций)

Для цитирования: Плотников А.Ю. Из истории советско-японских внешнеэкономических связей: японские концессии в СССР в межвоенный период // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 2. С. 94–104. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-2-94-104

From a story of Soviet-Japanese economic relations.
The Japanese concessions in the USSR during
the interwar period

Aleksei Yu. Plotnikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, al.yu.plotnikov@yandex.ru

Abstract. The article considers a story of establishing and operation of the Japanese concessions in the Soviet Far East, with a special attention to Coal and Oil enterprises as two major concessions in the Sakhalin region, during 1920th – 1944.

The extracted coal and oil amounts and the investment capital inflow during the mentioned period are focused and examined.

Keywords: Foreign concessions in the USSR, Japanese concessions in the Soviet Far East, Japanese coal and oil concessions in Northern Sakhalin, The amount of Japanese invested capital

For citation: Plotnikov, A. Yu. (2020), "From a story of Soviet-Japanese economic relations. The Japanese concessions in the USSR during the interwar period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 2, pp. 94-104, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-2-94-104

История деятельности японских концессий (имея в виду, прежде всего и главным образом, угольную и нефтяную на Сахалине) в Советском Союзе остается до настоящего времени малоизвестной и недостаточно изученной, хотя является *хорошим* наглядным примером экономического сотрудничества двух стран в один из наиболее сложных и напряженных периодов советско-японских политических отношений.

Именно с японскими концессиями, действовавшими на территории советского Дальнего Востока во второй половине 1920–1940-х гг., связаны первые реальные японские инвестиции в российскую экономику, хотя первые небольшие японские рыбоперерабатывающие предприятия были созданы еще в 1910–1912 гг.¹ [Мандрик 1994].

То, что это была именно форма инвестиций, подтверждает существовавшее в то время в экономической науке определение «концессионирования» как формы привлечения иностранного капитала [Ляндау 1926, с. 3].

Правовой основой для создания в Советской России японских концессий стала заключенная 20 января 1925 г. «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», восстановившей дипломатические, консульские и торговые отношения между двумя странами, прерванные революцией, гражданской войной и японской интервенцией 1918–1922 гг.

Одновременно в конвенции было установлено, что «в интересах развития экономических отношений между обеими странами и принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство Союза Советских Социалистических Республик готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Совет-

¹ Справочная книга по рыбопромышленности Дальнего Востока. Николаевск-на-Амуре, 1914. С. 30.

ских Социалистических Республик», а в Протоколе «Б» к конвенции – общие базовые нормативы (условия) для концессионных соглашений (срок действия, процент отчисления от выработки в качестве платы за пользование концессией, соблюдение действующего советского законодательства, включая трудовое, и другие)².

Следует подчеркнуть, что вопрос о предоставлении японцам концессий имел, как этот неоднократно случалась в истории двусторонних отношений, и серьезный политический подтекст, поскольку был непосредственно увязан советским правительством с выводом японских войск с Северного Сахалина, оккупированного Японией. Более того, предоставление концессий стало условием вывода с острова японских войск (еще одно подтверждение традиционной японской политики постоянного «увязывания» вопросов развития двусторонних отношений с требованием предоставления дополнительных – чаще политических – уступок), что было зафиксировано в Протоколе «А» к конвенции, определившим срок вывода японских войск с северного Сахалина (до 15 мая 1925 г.)³.

Учитывая трудное положение нашего государства в то время, советское правительство пошло на такую «увязку».

14 декабря 1925 г. в Москве были заключены дополнительные соглашения (подписанные с нашей стороны Председателем ВСНХ Ф.Э. Дзержинским), положившие начало практической деятельности в СССР японских концессий (было заключено два договора на угольные, и одно – на нефтяную концессию на Северном Сахалине).

Прежде чем подробнее разбирать их деятельность, коротко рассмотрим историю организации, становления и развития в Советском Союзе «концессионного дела» в 1920–1930-х гг.

Правовой основой концессионной деятельности стали принятый Совнаркомом РСФСР «Декрет о концессиях» («Общие экономические и юридические условия концессий») от 23 ноября 1920 г., положения которого были конкретизированы в Декрете Совнаркома («Основные принципы концессионных договоров») от 29 марта 1921 г., а также учреждение сначала при российском (РСФСР), а затем союзном Совете народных комиссаров «Главного концессионного комитета» (Главконцеском – ГКК), для непосредственного контроля и регулирования вопросов, связанных с созданием и функционированием на территории СССР иностранных концессий.

Здесь же интересно отметить, что привлечение иностранного капитала в СССР в довоенный период было возможно в форме:

² Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 70–75.

³ Там же. С. 73.

концессии (так называемые чистые концессии), смешанных обществ и долгосрочных займов (к которым приравнивалось приобретение иностранными компаниями акций советских государственных предприятий – обществ и трестов).

Преимущество чистых концессий состояло в том, что это была форма аренды государственного предприятия или иного госимущества (строения, дороги, оборудование, рудники, леса, сельскохозяйственные угодья, промыслы, нефтяные месторождения) с целью организации на средства иноконцессионера производства соответствующей продукции с обязательством отчисления в пользу государства части произведенной продукции или иного дохода в качестве платы за пользование концессией, соблюдения действующего законодательства (в том числе законодательства о труде и социальном обеспечении) и уплаты налогов.

Оставшаяся часть произведенной продукции – которую разрешалось экспортировать – составляла вознаграждение концессионера. По окончании срока действия концессионного договора все его имущество (основной капитал) безвозмездно переходило государству, так же как все патенты и товарные знаки, которые использовал концессионер.

Государство также имело право на досрочный выкуп и досрочное прекращение срока действия концессии на условиях, оговоренных в контрактах.

Срок аренды обычно составлял 10, 15, 20, 25; реже – 50 лет (забегая вперед, отметим, что сроки работы главных японских концессий – нефтяной и угольных – оказались самыми длительными).

Наиболее распространенными среди иностранных концессионных предприятий были именно «чистые концессии» [Ляндау 1926, с. 31, 32, 53; Донгаров 1990, с. 86-88, 124].

Рассмотрим подробнее деятельность собственно японских концессионных предприятий.

Прежде всего отметим, что японские концессии не были ни первыми, ни единственными иностранными концессиями, действовавшими в межвоенный период на территории СССР, но при этом наиболее долгими по времени существования (дольше них – 25 лет проработало учрежденное самым первым в 1921 г. «БСТО» – Большое Северное телеграфное общество, обеспечивавшее телеграфную связь Северной Европы с Японией и Китаем) [Донгаров 1990, с. 90].

В частности, еще в 1925 г. среди действовавших на территории СССР зарубежных концессий японские предприятия не значились.

Однако уже в конце 1927 г. Япония заняла седьмое место по объему инвестированных концессионных капиталов и четвертое

(среди 10 крупнейших иностранных концессионеров) по числу созданных предприятий – семь (6 в добывающей промышленности и 1 – в лесной) [Эвентов 1931, с. 101].

К 1930 г. Япония обладала уже восемью концессиями, опередив по этому показателю США, Англию и Швецию и конкурируя по размерам вложенных капиталов с Германией [Донгаров 1990, с. 90].

Всего в разное время с Японией было заключено 11 концессионных соглашений (все – на Дальнем Востоке): 3 угольных, одна – нефтяная, 4 – рыбные, 1 – лесная и 2 – на золотодобычу, из которых реально действовало четыре (две угольные, нефтяная и «рыбная») [Ремизовский 2000, с. 4].

Эти японские концессии сохранились и в конце 1930-х гг. (в то время как большинство других иностранных концессий прекратили свою деятельность), несмотря на очередное обострение советско-японских отношений из-за начавшейся в 1937 г. второй японской войны против Китая, которого Советский Союз поддерживал и политически, и военно-технически и экономически, а также развязанных Японией против СССР военных конфликтов у озера Хасан в 1938 и на Халхин-Голе в 1939 г.

Первые японские концессии, как отмечалось, начали работать в 1926 г. (следует отметить, что ранее Япония, используя вызванные войной затруднения, пыталась получить концессии у Временного правительства в 1917 и правительства Колчака в 1919 г.).

Главными японскими концессиями в СССР – и по своему экономическому, и политическому значению – были сахалинские (угольные и нефтяные, образованные, напомним, в соответствии с московским договором от 14.12.1925), на истории которых мы главным образом и остановимся.

Концессионные договоры были заключены сроком на 45 лет, т. е. деятельность концессий изначально была рассчитана до 1970 г. В качестве платы за пользование и эксплуатацию угольных и нефтяных месторождений Северного Сахалина японский концессионер должен был отчислять от 5 до 8% от валового дохода (выработки) – при добыче угля и от 5 до 15% – при добычи нефти. В случае фонтанной добычи нефти дополнительно отдельно по каждой скважине – от 15 до 45% (при добыче более 100 тонн в сутки) валовой добычи⁴.

Следует отметить, что добыча «концессионированных» угля и нефти для Японии облегчалась тем обстоятельством, что у них уже был опыт добычи полезных ископаемых на Северном Сахалине в 1920–1925 гг. (впервые уголь здесь начали добывать еще XIX в.).

⁴ Документы внешней политики СССР. С. 78, 79.

Так за годы японской оккупации нашей части острова в Японию было вывезено около 315 тыс. т угля и более 27 тыс. т нефти [Ремизовский 2000, с. 9, 10].

Уголь

Угольные концессии, полученные в 1925 г. японцами в эксплуатацию на месторождениях в Дуэ, Владимирском, Мгачинском, а также Агневском, в дальнейшем дополнились месторождением в районе реки Костина на восточном побережье Северного Сахалина.

Из трех заключенных соглашений два «не пошли» и были вскоре аннулированы.

В итоге весь концессионный уголь на Северном Сахалине был добыт компанией «Кита Карафуто Коге Кабусики Кайся» – сокращенно ККК.

Добыча угля производилась в основном на участке Дуэ. В первые годы работы концессии темпы добычи угля были невелики, но с 1928 г. стали быстро увеличиваться. Всего во второй половине 1920-х – середине 1930-х гг. было добыто более 756 тыс. т угля, который практически полностью был вывезен в Японию, где использовался, главным образом, на металлургических заводах, работавших на Военное министерство.

Активная работа японской концессии продолжалась до второй половины 1930-х гг. и к началу Второй мировой войны была практически свернута.

Общий объем добытого и вывезенного в Японию за этот период «концессионного сахалинского угля» оценивается более чем в 1 млн т [Шалкус 2008, Ремизовский 2000, с. 9, 10].

Таким образом, как и в случае с нефтяной концессией, продукция ККК имела приоритетно военное назначение, а деятельность самих северосахалинских концессий – ярко выраженные военно-политические характер и значение.

Учитывая этот политический «аспект» японских сахалинских концессий, особая роль в регулировании их деятельности отводилась представительству (агентству) НКВД, которое располагалось в г. Александровске-Сахалинском (до 1945 г. главным городе российской части Сахалина). В Охе – центре нефтяной концессии – находился уполномоченный Александровского дипагентства.

Нефть

В соответствии с условиями Договора 1925 г. о создании нефтяной концессии, восемь нефтяных месторождений (Оха, Нутово, Пильтун, Эхаби, Ныйво, Уйглекуты, Катангли, Чайво) в северной части острова общей площадью 4,8 тыс. десятин были разбиты в шахматном порядке на участки между СССР и японским концессионером и разделены между двумя участниками по 50% площади каждого месторождения.

Кроме отчисления советскому правительству в качестве платы за концессию от 5 до 45% валового дохода, о которых говорилось выше, концессионер платил местные и государственные налоги, а также арендную плату. При этом японской стороне было дано право завозить из Японии рабочую силу в соотношении: 25% неквалифицированной и 50% квалифицированной [Марьясова 1992, с. 23, 24; Шалкус 2008].

Для эксплуатации нефтяных месторождений японскими предпринимателями – по аналогии с угольными концессиями – в 1926 г. была создана «Северо-Сахалинская нефтяная акционерная компания» («Кита Карафутто Сэкию Кабусики Кайся» – сокращенно ККС), акционерами которой были крупные японские компании «Ниппон», «Секию», «Кухара Когио», «Мицуи», «Мицубиси» и др.

Добыча концессионной нефти росла и к середине 30-х стабилизировалась на уровне 170–180 тыс. тонн в год (впервые промышленную добычу нефти на Северном Сахалине японцы начали в 1923 г.), значительно сократившись к концу 1930-х и почти прекратившись к 1942 г. Нефтедобыча проводилась параллельно с разведочно-поисковыми работами и разведочным бурением, которые продолжались до 1937 г.

Пик добычи пришелся на 1930–1933 гг., когда в среднем добывалось 190 тыс. т [Ремизовский 2000, с. 32, 43].

Всего в 1926–1942 гг. Японией было добыто и вывезено более 2,3 млн т высококачественной сырой нефти. Кроме этого, дополнительные объемы нефти концессия ККС получила от государственного треста «Сахалиннефть» (образован в 1928 г.), который до середины 1930-х продавал японцам часть добывавшейся им нефти [Ремизовский 2000, с. 43].

Как и в случае с углем, концессионная нефть почти полностью шла на военные нужды (основным потребителем был японский военно-морской флот и ВВС).

Значение японской нефтяной концессии для Советского Союза определялось тем, что ее деятельность доказала возможность и экономическую целесообразность промышленной добычи нефти на Северном Сахалине. Деятельность ККС (равно как и угольной

ККК) – кроме немалой экономической и финансовой выгоды, полученной СССР от ее деятельности, – способствовала созданию государственного треста «Сахалиннефть» (и его угольного аналога «Сахалинуголь»), которому японский концессионер оказывал значительную помощь (естественно, небесплатную) в организации производства и социально-бытовой сферы.

Японские угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине, как отмечалось, были главными, но не единственными (напомним, что в разное время с японскими компаниями были заключены 11 концессионных соглашений, из которых реально работали четыре).

Кроме них действовали лесная, две «золотодобывающие», а также несколько «рыбных» концессий (договоры на длительную аренду *иностранцами рыболовных участков для промысла рыбопродуктов, а также промысла зверя* приравнивались к концессионным).

Кратко рассмотрим их историю.

Четыре соглашения о рыболовных концессиях были заключены позже остальных в 1928 г. Это стало возможным после заключения 28 января 1928 г. новой советско-японской Рыболовной конвенции, заменившей собой Конвенцию 1907 г. По состоянию на 1 января 1936 г. по Концессии работала только одна компания «Ничиро Ге Ге» (остальные концессии были ликвидированы раньше), которая продолжала свою деятельность еще в начале Второй мировой войны⁵ [Кошкарева 2012, с. 155].

Завершая тему рыболовных концессий, следует подчеркнуть, что основным районом деятельности японских концессионеров оставалась, как и в 1910–1917 гг., Камчатка с ее богатыми рыбными и крабовыми ресурсами.

Единственная японская лесная концессия – «Японский лесопромышленный синдикат» – в 1927–1930 гг. действовала в Приморье.

Кроме рассмотренных японским предпринимателям, как отмечалось, принадлежали также две концессии на разведку и добычу золота в районе Охотска, просуществовавшие также короткое время.

Итак, каковы результаты деятельности в СССР японских дальневосточных концессий и общий объем японских капиталов, вложенных в перечисленные концессионные предприятия?

Полагаем, что за точку отсчета можно принять данные официальной статистики, приведенные в БСЭ по состоянию на 1 октября 1928 г. (учитывая, что, как уже отмечалось, новые концессионные договоры после этого уже практически не заключались).

Итак, на указанную дату объем японских вложенных в концессии капиталов составил примерно 6,7 млн руб., уступая по этому

⁵ БСЭ. Т. 34. М., 1937. С. 182.

показателю английским, шведским и немецким «концессионным инвестициям» и превосходя американские. Эту цифру с небольшой корректировкой в сторону увеличения (за счет затрат на поисково-разведочные работы и дополнительные вложения в производственную инфраструктуру в 1930-х гг.) следует считать базовой, оценив общую сумму японских довоенных «концессионных инвестиций» в 7–7,5 млн рублей⁶.

Как уже отмечалось, отношения Советского Союза с Японией резко ухудшились после 1937 г., что привело к тому, что советское правительство твердо поставило вопрос о досрочном расторжении концессионных соглашений.

Однако они просуществовали еще несколько лет (напомним, к началу Второй мировой войны деятельность сахалинских концессий была практически приостановлена).

При подписании в апреле 1941 г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией было достигнуто и соглашение о концессиях. При этом министр иностранных дел Японии Й. Мацуока дал письменное обещание, что к октябрю 1941 г. концессии будут ликвидированы [Кошкин 2004, с. 108].

Однако Япония не была бы Японией, если бы и на этот раз не осталась верной себе, попытавшись и в этой ситуации получить какие-то дополнительные выгоды.

После нападения Германии на СССР японское правительство «решило потянуть», отложив исполнение своих обязательств в надежде на победу Германии, т. е. нарушив достигнутые договоренности.

Только после решающих побед СССР под Сталинградом и на Курской дуге официальный Токио осенью 1943 г. согласился вернуться к обсуждению уже решенного в 1941 г. вопроса.

Окончательно вопрос о ликвидации оставшихся японских концессий был «закрыт» 30 марта 1944 г., когда в Москве был подписан «Протокол относительно передачи японских концессий на Северном Сахалине», в соответствии с которым японские нефтяные и угольные концессии передавались в собственность СССР [Кошкин 2004, с. 228–230].

В качестве компенсации за досрочное прекращение деятельности концессий СССР выплачивал Японии одновременно 5 млн рублей (950 тыс. долл.), а также обязался продавать Японии ежегодно 50 тыс. т сырой нефти в течение 5 лет «после окончания настоящей войны» [Ремизовский 2000, с. 41; Марьясова 1992, с. 27].

Тогда же было принято решение о закрытии генерального консульства Японии в Александровске и вице-консульства в Охе.

⁶ БСЭ. Т. 34. М., 1937. С. 182.

Литература

- Донгаров 1990 – *Донгаров А.Г.* Иностраннный капитал в России и СССР. М., 1990. 170 с.
- Кошкарёва 2012 – *Кошкарёва С.Г.* Предпринимательская деятельность японских рыбопромышленников на Северо-Востоке Советского государства (1920-е гг.) // К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011): Пятые Международные исторические и Свято-Инноцентьевские чтения. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 151–155.
- Кошкин 2004 – *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина: Россия и Япония: Тень Цусимы длиною в век. М.: Олма-Пресс, 2004. 478 с.
- Ляндау 1926 – *Ляндау Л.Г.* Иностраннный капитал в дореволюционной России и СССР. М.; Л., 1926.
- Мандрик 2000 – *Мандрик А.Т.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е годы XVII в. – 20-е годы XX в.). 1994 [Электронный ресурс]. URL: [http://histfishing.ru/books/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyishlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-\(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-xx-v.\)/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyishlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-\(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-xx-v.\).-glava-tretya.html](http://histfishing.ru/books/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyishlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-xx-v.)/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyishlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-xx-v.).-glava-tretya.html) (дата обращения 5 апреля 2020).
- Марьясова 1992 – *Марьясова Н.В.* Есть резон вспомнить о концессиях // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 6. С. 20–28.
- Ремизовский 2000 – *Ремизовский В.И.* Кита Карафуто Сэкию Кабусики Кайша (Из истории работы японской угольной концессии на северном Сахалине 1925–1944 гг.). Хабаровск, 2000. 73 с.
- Шалкус 2008 – *Шалкус Г.А.* Создание и деятельность японских концессий на Северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91.
- Эвентов 1931 – *Эвентов А.Я.* Иностраннные капиталы в русской промышленности. М.; Л., 1931. 103 с.

References

- Dongarov, A.G. (1990), *Inostrannyyi kapital v Rossii i SSSR* [Foreign Capital in Russia and the USSR], Moscow, Russia.
- Eventov, A.Ya. (1931), *Inostrannyye kapitaly v russkoi promyishlennosti* [Foreign Capital in Russian Industry], Moscow; Leningrad, Russia.
- Koshkareva, S.G. (2012), “Business activity of Japanese fishermen in the North-East of the Soviet State (1920s)”, *K 270-letiyu vykhoda Rossii k beregam Ameriki i nachala osvoeniya Tikhogo okeana (1741-2011), Pyatye Mezhdunarodnye istoricheskie i Svyato-Innokent'evskie chteniya* [On the 270th anniversary of Russia's access to the shores of America and the beginning of the development of the Pacific Ocean (1741–2011): The Saint- Innokentii Fifth International Historical Conference, Petropavlovsk-Kamchatskii], Petropavlovsk-Kamchatskii, Russia, pp. 151-155.
- Koshkin, A.A. (2004), *Yaponskii front marshala Stalina. Ten' Tsusimy dlinnoyu v vek* [The Japanese Front of Marshal Stalin. Russia and Japan. The Century-Long Shadow of Tsushima], Olma-Press, Moscow, Russia.

- Lyandau, L.G. (1926), *Inostrannyi kapital v dorevolutsionnoi Rossi i SSSR* [Foreign Capital in Pre-revolutionary Russia and the USSR.], Moscow, Leningrad, Russia.
- Mandrik, A.T. (2000), *Istoriya rybnoi promyshlennosti rossiiskogo Dal'nego Vostoka (50-e gody XVII v. – 20-e gody XX v.)* [History of the fishing industry of the Russian Far East (50s of the 17th – 20s of the 20th century)] [Online], available at: [http://hist-fishing.ru/books/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyshlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-\(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-xx-v.\)/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyshlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-\(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-x-v.\).-glava-tretya.html](http://hist-fishing.ru/books/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyshlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-xx-v.)/mandrik-a.t.-istoriya-rybnoj-promyshlennosti-rossijskogo-dalnego-vostoka-(50-e-godyi-xvii-v.-20-e-godyi-x-v.).-glava-tretya.html) (Accessed 5 April 2020).
- Mar'yasova, N.V. (1992), "There is reason to bethink of concessions", *Problemy Dal'nego Vostoka*, no 6, pp. 20-28.
- Remizovskii, V.I. (2000), *Kita Karafuto Sekiyu Kabusiki Kaisha (Iz istorii raboty yaponskoi ugol'noi kontsessii na severnom Sakhaline 1925–1944 gg.)* [Kita Karafuto Sekiyu Kabushiki Kaisha (Gaisha) (From the history of the Japanese coal concession on Northern Sakhalin 1925–1944)], Khabarovsk, Russia.
- Shalkus, G.A. (2008), "Establishment and operation of Japanese concessions in Northern Sakhalin in 1925–1944", *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal*, no 7, pp. 87-91.

Информация об авторе

Алексей Ю. Плотников, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1.
Экспертно-консультативный совет Комитета ГД по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками; Москва, Россия; al.yu.plotnikov@yandex.ru

Information about the author

Aleksei Yu. Plotnikov, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka Str., Moscow, Russia, 119034;
Expert Advisory Council at the State Duma Committee on CIS Affairs, Eurasian Integration and Relations with Compatriots, Moscow, Russia; al.yu.plotnikov@yandex.ru